

DOI: 10.31696/S086919080034101-8

АЗИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: МЕЖДУ АДАПТАЦИЕЙ И ИГНОРИРОВАНИЕМ (ЧАСТЬ 1)

© 2025

В.Л. ТОЛСТЫХ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5103-5324; vlt73@mail.ru

– Тогда, господа, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

Стругацкие А. и Б. «Трудно быть богом»

Резюме: Международное право с трудом приживается на азиатской почве. Представители TWAIL (Third World approaches to international law) считают, что это связано с его колониальным характером, и призывают предоставить азиатским странам больше прав на участие. Проблема, однако, выглядит более глубокой: отчуждение Азии от международного права не связано исключительно с дискриминацией (и не может быть преодолено ее отменой), но определяется различиями политического опыта Европы и Азии. Социальной средой западного международного права является устойчивое сообщество секулярных государств-наций, отправляющих суверенную и эффективную власть в пределах определенных территорий. В Азии никогда не существовало такого сообщества, а ее политический ландшафт сформировался под влиянием иных факторов. Наиболее важными факторами являются транзитное положение азиатских регионов, особый способ ведения хозяйства, исламские и буддистские правовые концепции, политический инжиниринг и пульсация империй. Применение западных концепций к азиатским реалиям в этой связи часто предполагает выбор между адаптацией первых ко вторым и игнорированием вторых. Адаптация подрывает универсальный характер общего права и вызывает сбой в работе азиатских институтов. Игнорирование, в свою очередь, чревато неэффективностью и конфликтами. На практике суды и доктрина чаще используют стратегию игнорирования – например, в ситуациях определения способа самоопределения, установления территориальных титулов, делимитации, определения режимов морских пространств и пр. Доктрина и суды должны отказаться от нее и применять нормы международного права более гибко. В одних случаях для этого потребуется констатировать или создать *lex specialis*, в других случаях достаточно изложить оригинальные азиатские концепции на языке современного международного права. Отказ от стратегии игнорирования поможет разрешить некоторые конфликты, а в общем плане станет важным фактором эффективности и универсальности международного права.

Ключевые слова: региональное международное право, исламское право, международные споры, государство, суверенитет, право наций на самоопределение, территориальные титулы, государственные границы, критические исследования

Для цитирования: Толстых В.Л. Азия и международное право: между адаптацией и игнорированием (Часть 1). *Восток (Oriens)*. 2025. № 2. С. 198–210. DOI: 10.31696/S086919080034101-8

ASIA AND INTERNATIONAL LAW:
BETWEEN ADAPTATION AND DISREGARD (PART 1)

© 2025

Vladislav L. TOLSTYKH ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5103-5324; vlt73@mail.ru

Abstract: *International law is taking root in Asia with significant difficulty. TWAIL (Third World approaches to international law) believes that this is caused by its colonial character and calls for greater participation rights for the Asian countries. However, the problem goes deeper: Asia's alienation from international law is not only due to discrimination (and cannot be overcome by abolishing it), but is determined by the difference in political experiences of Europe and Asia. The social milieu of Western international law is a stable community of secular nation-states exercising sovereign and effective authority within defined territories. Asia has never had such a community, and its political landscape has been shaped by other factors. The most important factors are the transit position of Asian regions, the original type of economy, Islamic and Buddhist legal concepts, political engineering and the pulsation of empires. The application of Western concepts to Asian realities is often a choice between adapting the former to the latter and ignoring the latter. In practice, courts and doctrine more often use the strategy of disregard – for example, choosing the mode of self-determination, establishing territorial titles, delimitation, etc. Doctrine and courts should abandon this strategy and apply international law more flexibly. In some cases, this will require creation of *lex specialis*; in other cases, it will be sufficient to articulate original Asian concepts in the language of modern international law. Abandoning the strategy of disregard would help to resolve some conflicts and become an important factor in the effectiveness and universality of international law.*

Keywords: regional international law, Islamic law, international disputes, state, sovereignty, right of nations to self-determination, territorial titles, state borders, delimitation, critical studies

For citation: Tolstykh V.L. Asia and International Law: Between Adaptation and Disregard (Part 1). *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 198–210. DOI: 10.31696/S086919080034101-8

ВВЕДЕНИЕ

Ситуация, связанная с действием международного права в Азии, довольно своеобразна. Азия имеет древнюю историю, в ходе которой были разработаны и опробованы разные модели международных отношений; вполне возможно, что здесь возник сам феномен международного права (хотя до недавнего времени считалось, что это случилось в Древней Греции)¹. С другой стороны, азиатские страны невосприимчивы к международному праву. Они не проявляют большого желания ни разрабатывать, ни применять его, но скорее мирятся с его существованием, избегая его в тех случаях, когда это им не выгодно. Это

¹ «Непрерывный поток событий» в древние времена на Ближнем Востоке и в Средиземноморье привел к тому, что традиции государственного управления, которые были разработаны в ранние времена шумерскими городами-государствами и их аккадскими завоевателями, и переформулированы ассирийцами и хеттами, были переданы более поздним культурам через египтян, израильтян и финикийцев, а затем в Грецию, Карфаген и Рим» [Bederman, 2004, p. 3].

удивительно еще и потому, что сама международная обстановка в Азии характеризуется *нормативностью*: конфликты, имеющие место в её разных регионах, обладают сходством и требуют системного подхода, а не урегулирования *ad hoc*.

Данная невосприимчивость часто рассматривается как один из результатов колониализма, как проявление обиды и недоверия по отношению к Западу. Решением проблемы, соответственно, становится отказ Запада от политики дискриминации и реабилитация Азии в ее правах. Это объяснение разделяется не только европейскими, но и многими азиатскими учеными. Оно, однако, выглядит поверхностным и неполным. Именно древность и своеобразие азиатской традиции являются главной причиной, по которой международное право, сложившееся на основе европейского опыта, с трудом приживается на азиатской почве, во всяком случае, в его неадаптированном виде. Данный тезис не является умозрительным, но подтверждается анализом конкретных ситуаций, в том числе рассмотренных международными судами.

Несмотря на свою простоту, данный тезис не нашел отклика в правовой доктрине – одним из немногих исключений является статья Р. Брукс, посвященная *failed states* [Brooks, 2005]. Этому есть несколько объяснений. *Во-первых*, правовая доктрина продолжает существовать в своего рода вакууме, изолирующем её от истории, экономики и антропологии: результатом призывов критической школы к анализу контекста стали новые призывы такого же рода (но не сам анализ). *Во-вторых*, вопрос об отношении Азии к международному праву был монополизирован движением TWAIL (*Third World approaches to international law*), которое рассматривает его лишь в одном ракурсе, связанном с проблемой колониализма. *В-третьих*, любая попытка утвердить *азиатский подход* подрывает не только конкретные институты, но и сам принцип универсальности международного права: в отличие от африканского или латиноамериканского подходов, азиатский подход является не развитием европейского подхода, но альтернативой ему. Всё это поднимает вопрос о методе: анализ действия международного права в Азии (и вообще в любом неевропейском регионе) требует привлечения данных иных социальных наук, построения более широкой временной перспективы, выходящей за пределы колониальной эпохи, перестройки терминологического аппарата, личной вовлеченности исследователя (*personal engagement*) и во многих случаях его присутствия на месте (проведения полевых исследований).

Настоящая статья представляет собой попытку обосновать данный тезис. В *первом* параграфе раскрывается проблема дефицита международного права в Азии и приводятся ее объяснения в рамках TWAIL. Во *втором* параграфе выделяются основные особенности азиатской государственности и азиатской международной системы: транзитное положение, особый способ хозяйствования, влияние ислама и буддизма, политический инжиниринг и пульсация империй. В *третьем* параграфе рассмотрены типовые ситуации, в которых встаёт вопрос о выборе между адаптацией международного права к указанным особенностям и их игнорированием; показано, что в большинстве случаев доктрина и международные суды отдают предпочтение игнорированию. В *четвёртом* параграфе описаны возможные варианты решения проблемы и оценены перспективы взаимодействия международного права и азиатской традиции.

1. ДЕФИЦИТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В АЗИИ И ЕГО ОБЪЯСНЕНИЕ В РАМКАХ TWAIL

3. Бжезинский определяет регион, охватывающий районы Ближнего Востока, Кавказ и Центральную Азию, как «Евразийские Балканы»; здесь также имеют место острые этнические конфликты и соперничество великих держав за гегемонию. Характерной чертой

этого региона является «сочетание вакуума силы и всасывания силы» [Бжезинский, 1998, с. 149–150]. Данный тезис означает не только отсутствие влиятельных политических игроков (субъективной силы), но и дефицит международного права (объективной силы). Этот дефицит имеет несколько аспектов.

Первый аспект – пассивность по отношению к общему праву: страны Азии определяются как “rule-takers”, а не “rule-makers”. Доля их участия в Пактах о правах человека 1966 г. и Протоколах к Женевским конвенциям 1949 г. – меньше, чем государств из иных регионов. Их группа в ООН в основном согласовывает назначения и редко выдвигает правотворческие инициативы. Они недостаточно представлены в ООН и МВФ. *Второй* аспект – недоверие к судебным процедурам. Государства Азии имеют самый низкий показатель признания юрисдикции Международного Суда ООН (МС ООН) (15%) и членства в Международном уголовном суде. Только двадцать из них когда-либо выступали в МС ООН в качестве стороны. Многие территориальные споры в регионе не урегулированы. *Третий* аспект – неразвитость интеграции. Азиатские организации представляют собой форумы для переговоров: они не обладают наднациональной компетенцией и используют принцип «изменяемой геометрии», предполагающий наличие параллельных проектов и право члена воздерживаться от участия в любом из них². Результатом является отсутствие региональных кодификаций (например, в сфере прав человека) и неэффективность региональных судов. *Четвёртый* аспект – неразвитость доктрины. Азиатские ученые в основном опираются на разработки своих западных коллег; исключением является движение TWAAIL. Азиатское общество международного права было создано только в 2007 г. – позднее, чем другие региональные общества [The Battle, 2019, p. 27–30]. В последние годы международные исследования интенсивно развиваются в Китае, они, однако, ограничены новыми вопросами (кибер-право и т. п.) и вкладом самого Китая [Chesterman, 2017, p. 957–962].

Есть несколько объяснений этого феномена. *Первое* объяснение – авторитарность политических режимов, не склонных связывать себя обязательствами и уступать компетенцию внешним институтам. Такая корреляция не выглядит абсолютной: страны Африки испытывают не меньшие проблемы с демократией, но доверяют международному праву больше. *Второе* объяснение – негативный опыт, в результате которого в азиатских обществах сложилось убеждение, что применение международного права является инструменталистским и избирательным. Его элементами являются неравноправные договоры, колониализм, система мандатов, Токийский процесс и деятельность МВФ. Для Азии с её богатой историей данный опыт оказался более травматичным, чем для Африки и Америки³. *Третье* объяснение – разнообразие Азии, препятствующее выработке общей позиции и регулярным контактам. Речь идет как о культурных отличиях, так и о неравномерном распределении экономической и военной мощи. Наконец, *четвёртый* фактор – отсутствие стимула для интеграции, роль которого в Европе играет деятельность Европейского Союза; в Латинской Америке – осознание регионального единства; в Африке – давление доноров. В отсутствие «кнутов и пряников» страны Азии склонны действовать, исходя из собственных, а не общих интересов [Chesterman, 2017, p. 962–965; Romano, 2016, p. 47–54].

² См.: ст. 21 (2) Устава АСЕАН и ст. 23 Устава СНГ.

³ По мнению Ж. Аллена, международное право, основанное на идее цивилизационного превосходства, воспринимается на Ближнем Востоке не как «щит», а как «меч» (так же, как низшие классы воспринимают внутренние законы). В XVIII–XIX вв. оно было использовано для колонизации, в результате ему не хватает легитимности, а регион является «пороховой бочкой с коротким фитилем» и *underclass* международного порядка. Проявлениями его избирательного применения являются политика Великобритании в отношении Палестины и Суэцкого канала (1888–1956), пассивность Совета Безопасности ООН по отношению к войне между Ираком и Ираном, вторжению США в Ирак и оккупации Израилем Ливана, его реакция на вторжение Ирака в Кувейт, лишение курдов права на самоопределение [Allain, 2004, p. 391–404].

Отношения между Азией и международным правом анализируются в рамках двух дискурсов: контрибуционалистского и так называемого TWAIL (*Third World approaches to international law*). Первый делает акцент на вкладе Азии в международное право. В его рамках анализируются идеи ислама и буддизма [Jayatilleke, 1967] и доказываются их принципиальная совместимость с международным правом, подчёркивается стремление разных культур к миру [Weeramantry, 2004] и прогрессу [Sienho Yee, 2004], описывается генезис международного права на Востоке (следствием чего является *провинциализация* Европы [Chakrabarty, 2000; *Oxford Handbook*, 2012]), рассматривается концепция Нового международного экономического порядка и деятельность Движения неприсоединения. Контрибуционалисты считают, что международное право является «универсальным языком человечества» и единственным средством защиты суверенитета развивающихся государств; их же часто упрекают за то, что они преувеличивают значение азиатской культуры и искажают её содержание, а также идеализируют международное право, отделяя от него империалистические практики⁴.

Представители TWAIL утверждают, что колониализм сопутствует международному праву на протяжении всей истории, является его главным смыслом. Его инструментами выступают концепции, постулируемые как нейтральные, но применяемые исключительно в интересах Запада: доктрина открытия, стандарт цивилизации, права человека, война с террором и т. п. Восток является не субъектом, а объектом международной политики; эта ситуация не изменится до тех пор, пока не будет покончено с колониальными практиками. Одни авторы считают, что необходимо обеспечить развитие Востока и его участие в формировании международного права, другие – призывают к пересмотру основных концепций международного права и его метода, третьи – констатируют неразрешимую проблему. Представителями первого (умеренного) поколения TWAIL являются Р.П. Ананд (Индия), Дж. Аби-Сааб (Египет), У. Бакси (Индия), К. Мбайе (Сенегал) и К. Виранттри (Шри-Ланка) и др. Представители второго поколения – А. Анги (Австралия), Б. Чимни (Индия), М. Мутуа (Кения) и О. Окафор (Канада) и др. К TWAIL примыкает марксистский дискурс, определяющий эксплуатацию не как проблему колониальных отношений, а как общую трагедию человечества.

По мнению А. Анги, концепция суверенитета исключает неевропейские общества из политики и легитимирует колониализм. Последний не случаен для международного права, но занимает в нем центральное место. Ф. Витория считал общество индейцев неполноценным, поскольку оно не соответствует естественному праву – поэтому их попечителями должны быть испанцы. Та же логика была использована и в XIX в.: позитивисты разработали расовые и культурные критерии для признания одних государств цивилизованными и, следовательно, суверенными, а других – нецивилизованными (*terra nullius*, капитуляции и др.). Система мандатов была призвана создать суверенные государства, но они были созданы для продвижения экономических интересов Запада. В итоге колониализм был заменен неоколониализмом; страны третьего мира остались в подчиненном положении, а технологии управления и экономическое право обеспечили это подчинение. Другим фактором стали гражданские войны, неизбежные для стран, разделённых по этническому признаку. «Война с террором» напоминает ранние имперские проекты, но в ней есть и новизна, основанная на убеждении, что лишь превращение других обществ в демократии обеспечит их безопасность. Попытка создать кантовский мир миролюбивых демократий может стать гарантией бесконечной войны, а не вечного мира [Anghie, 2006, 739–753].

⁴ «Тот факт, что международное право является европейским языком, даже в малой степени не отражается на его способности выражать что-то универсальное... Опасность состоит в ошибочном принятии чьих-либо преференций и интересов за чью-либо традицию и в восприятии их как универсальных» [Koskeniemi, 2005, p. 115].

По мнению Л. Эслава и С. Пахужа, государства не творят международное право, но сами являются его проектом. После XVII в. государства Европы создали порядок, в рамках которого они решали споры и договаривались о торговле и экспансии. Позднее они распространили *Ius Publicum Europaeum* на периферию, но не признали права неевропейцев на создание государств, применив к ним дискриминационные теории и наделив себя миссией распространения цивилизации. Государственность по западному образцу стала критерием для оценки момента, когда туземцы могут перейти от состояния варварства к членству в семье наций. В результате постколониальные страны были вынуждены вписываться в чуждые институциональные рамки и встраиваться в глобальную экономику на подчинённом положении. Так возник феномен «государства развития», отражавший призыв Гоббса к сильной власти. Некоторые такие государства выродились в диктатуры, попали в долговую зависимость и были обвинены в дефиците демократии. Это повлияло на содержание Вашингтонского консенсуса. Таким образом, современный порядок основан на формальном паритете и дискурсе развития и постоянно занят созданием государства-нации [Eslava, Pahuja, 2020].

Монополизировав протест против контрибуционализма, TWAIL разделил его эпистемологическую платформу. Он делает акцент на политическом конфликте, а не на культурной несовместимости; использует базовые категории западного права и не предлагает собственных; не оспаривает позитивизм, но лишь пытается подвести под него мультикультурные основания; призывает устранить базовое противоречие путем эмансипации государств и народов по европейскому образцу либо путем возврата к архаичным моделям абсолютного суверенитета [Martínez Mitchell, 2021]. Он, таким образом, ограничивается призывом к недискриминации и в этом смысле остается сугубо западным дискурсом – своеобразной попыткой покаяния (неслучайно, многие его участники получили образование на Западе и занимали должности судей МС ООН).

Проблема, однако, выглядит более глубокой: отчуждение Азии от международного права не связано исключительно с дискриминацией (и не может быть преодолено её отменой), но определяется фундаментальными различиями политических систем Европы и Азии. Международное право, будучи продуктом европейской цивилизации, не соответствует опыту и традициям Азии. Его применение в этой связи не приводит к нужным результатам не только потому, что таков был злой замысел правоприменителя, но и потому, что оно не учитывает местных особенностей или апеллирует концепциями, лишёнными смысла в азиатском контексте.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Социальной средой международного права является устойчивое сообщество суверенных государств-наций, отправляющих суверенную и эффективную власть в пределах определённых территорий. Такое сообщество сложилось в Европе в результате перехода от феодализма к Новому времени; его идеологической основой является концепция общественного договора, предполагающая выделение профессиональной политической элиты, регулярные контакты последней с населением и систему взаимных обязательств. В Азии никогда не существовало такого сообщества, а её политический ландшафт сформировался под влиянием иных факторов.

1. *Транзитное положение.* Через Ближний Восток, Кавказ и Центральную Азию проходит Великий шёлковый путь, столетиями образующий главное направление мировой торговли. С открытием в XV–XVII вв. маршрутов, огибающих Африку, и строительством Суэцкого канала (1869) его значение сошло на нет; его социально-политическая инерция,

однако, сохраняется. Торговые цивилизации редко создают устойчивые политические структуры: их элиты не заинтересованы в территориальном контроле и эксплуатации больших масс населения. Их главный ресурс – торговый путь, эксплуатация которого предполагает осуществление перевозок, взимание пошлин, организацию рынков и производство редких товаров, а иногда – пиратство, работоторговлю и контрабанду. Так, в XVIII–XX вв. важным источником доходов шейхов Персидского залива было пиратство; в этот же период туркменские племена совершали набеги (аламаны) на оседлых таджиков, угоняя их в рабство⁵.

Транзитность определяет *динамику* политических процессов: на протяжении всей своей истории народы региона находились в постоянном движении, государственные образования редко существовали дольше двух–трёх веков, масштабные нашествия (арабов, тюрок, монголов и др.) полностью меняли политическую и этническую карту⁶. Внешние вызовы время от времени давали толчок к синтезу единых наций, но по мере их преодоления центробежные тенденции возобновлялись⁷.

Политическим следствием транзитности является *отсутствие (дефицит) общественного договора*. Государство формируется либо как союз местных элит (своего рода федерация), либо как инструмент политической экспансии отдельного клана (что предопределяет его деспотический характер⁸). В обоих случаях оно является хрупким и неустойчивым: его решения нуждаются в легитимации (подтверждении) со стороны местных элит либо должны опираться на регулярное насилие. Постоянное усилие, направленное на сохранение власти, отвлекает государство от выполнения иных функций (социальной, экономической и т. д.) и препятствуют развитию правопорядка. К выполнению данных функций привлекаются альтернативные структуры (общины, кланы, религиозные лидеры и внешние акторы), а к регулированию отношений – альтернативные нормативные системы (шариат и местные обычаи).

2. *Особый способ хозяйствования*. Французский ученый Ф. Бернье (XVII в.) связывал неразвитость азиатских государств с отсутствием частной собственности на землю. Этот тезис был развит К. Марксом и Ф. Энгельсом, по мнению которых сухой климат Северной Африки и Азии делает невозможным индивидуальное ведение хозяйства и обуславливает

⁵ Довольно часто такая деятельность использовалась как предлог для колонизации. Так, в начале XIX в. англичане обвинили шейхов Аль-Касими, контролировавших Персидский залив, в пиратстве и в 1819 г. захватили их оплот Рас-эль-Хайму. В 1820 г. они заключили с ними Договор о прекращении пиратства; шейхства стали называться *Trucial States*. В 1853 г. был заключен Договор о постоянном морском мире, а в 1892 г. – Исключительное соглашение, оформившие протекторат и передавшие контроль над внешними сношениями шейхов Великобритании.

⁶ «Если мы обратимся к истории Европы, то для её средневековья характерна консолидация народностей, развившихся затем в нации, которые сохранились до наших дней. Именно вокруг тех или иных народностей складывались в Европе известные политические общности... Совсем с иным положением мы сталкиваемся в Передней Азии, в частности, в Закавказье и Средней Азии. Здесь постоянно наблюдаются процессы либо изменения этноса, либо крайнего сужения территории и сферы действия ранее существовавших этнических общностей» [Новосельцев и др., 1972, с. 28].

⁷ «Исторически сложилось так, что идентификация с территориальным государством была слабой, а народная идентификация, как правило, фокусировалась на субгосударственной единице – городе, племени, религиозной секте или более крупном исламском объединении «умма». Это объясняется тем, что государства – продукт внешних завоевателей, импортированных рабов-солдат без местных корней или религиозно-племенных движений – обычно распадался через несколько поколений, а когда наступала новая волна государственного строительства, границы часто радикально менялись» [Hinnebusch, 2013, p. 54].

⁸ Деспотизм предполагает публичность отправления власти, произвол правителей и жестокость налагаемых ими наказаний. Государство Нового времени функционирует на основе иных принципов: анонимности, рациональности и вездесущности; в его центре «находится не “центр власти”, не сеть силы, а разветвленная сеть различных элементов – стены, пространство, учреждение, правила, дискурс» [Фуко, 1999]. Деспотизм, таким образом, доказывает не силу государства, а его слабость.

необходимость коллективных ирригационных работ. Данные работы выполняются обособленными сельскими общинами и координируются государством. В зависимости от того, какой элемент преобладает, азиатские государства являются либо анархическими, либо деспотическими [Маркс, Энгельс, 1962, с. 215, 221, 228–230]. В более поздних работах Маркс пришёл к выводу, что государственная собственность на землю является завуалированной общинно-племенной собственностью, – социально-экономической реальностью, стоящей над воображаемым правом правителя. Помимо хозяйственных функций, сельские общины вынуждены выполнять политические функции. Это объясняет отсутствие городской культуры и тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств [Маркс, Энгельс, 1968, с. 463–464].

П. Андерсон подверг подход Маркса критике: по его мнению, самодостаточная сельская община является мифом (во всяком случае, в Индии) и не может существовать параллельно сильному государству. На практике отсутствие частной собственности на землю часто не предполагало коллективных ирригационных работ (Турция, Персия, Индия) и наоборот (Китай). Среди факторов, определяющих устройство Азии, автор выделяет непостоянство и хаотичность исламских концепций права собственности на землю, безразличие или неуважение к сельскому хозяйству, препятствующее стабилизации крепостных отношений, отсутствие корпоративной политической идентичности городов, недостаток социальной власти у купеческого сословия. Все исламские государства, включая Османскую империю, были военными и грабительскими; гражданская администрация никогда не занимала в них господствующего положения [Андерсон, 2010, с. 435–511].

3. *Влияние религии.* В отличие от европейской цивилизации исламская цивилизация не прошла через процесс секуляризации, являющийся одним из наиболее важных аспектов Реформации⁹. Восприятие ислама часто поверхностно, его нормы могут вступать в конфликт с адатами, а местные элиты настороженно относятся к религиозному радикализму. Нормы ислама, тем не менее, не могут не влиять на политику [Berger, 2008, p. 105–117]. Это влияние часто оценивается в позитивном ключе: при этом подчеркивается сходство подходов ислама и международного права к вопросам войны и мира [Wahbeh al-Zuhili, 2005]. Серьезные противоречия между исламом и западной правовой традицией, однако, всё же имеют место.

На поверхностном уровне они проявляются в разных подходах к статусу женщин, прозелитизму, системе наказаний и проч. Особая позиция ислама часто фиксируется в оговорках к пактам по правам человека. Более важным, однако, является структурный уровень, анализ которого показывает, что многие доктрины ислама *прямо отрицают возможность* международного права. Речь идёт о концепции единой уммы (не совместимой со множеством государств), разделении мира на области мира (*dār al-Islām*) и войны (*dār al-ḥarb*) и постулировании постоянного конфликта между ними, божественной легитимации власти (отрицающей необходимость в консенсусе), а также методологии принятия решений (использовании *сийяра*). Результатом является отторжение западной модели, основанной на подавлении религиозного начала, самодостаточности суверена и равноправии государств; исключение этнического сепаратизма; восприятие международных отношений как отноше-

⁹ Возможно, ислам переживает процесс Реформации в настоящее время: «Ислам наконец вступил в свой пятнадцатый век, а с ним пришло и осознание долгожданной и ожесточенной Реформации»; «исламская Реформация создала множество совершенно расходящихся между собой и конкурирующих идеологий ислама... Полномочия высказываться по вопросам ислама больше не принадлежат исключительно улемам... Эта власть теперь принадлежит каждому мусульманину в мире» [Аслан, 2011, p. 180, 185].

ний уммы с внешним миром и отношений внутри уммы по поводу лидерства; неразвитость формальных институтов и региональной интеграции; акцент на переговорной дипломатии и общий дефицит рационализма.

По мнению Д. Вестбрука, исламское международное право отсутствует, есть лишь исламский комментарий к международному праву. Ислам содержит представление о порядке, основанное на авторитете Бога, а международное право организует консенсус, направленный на выработку такого представления, т. е. основывается на вере в возможность конструирования лучшего будущего (конституционализме). Первое апеллирует к прошлому, второе надеется на будущее. Ислам адресован индивидам и не оперирует концепцией государства-нации (его существование противоречит идее уммы); отсюда – хроническая проблема легитимности. Международное право, в свою очередь, немыслимо без институтов. Структура исламского права неадекватна для формирования международного права: 1) оно обращено к верующим, но многие люди таковыми не являются; 2) оно черпает авторитет из нарративной экзегезы (*siyar*), а международное право использует законодательный метод; 3) оно разделяет *fiqh* (представления о божественном праве) и *siyasa* (политику). К *siyasa* прибегают, когда фикх не предоставляет решения; её использование обосновывается необходимостью, но это – ненадежное обоснование: неслучайно, мусульмане встречают политические кризисы призывом к более исламской политике. Таким образом, в политической идеологии ислама изначально заложено разочарование, осложняющее реформы. Ислам, однако, затрагивает проблему, связанную с ощущением бессмысленности и отчужденности. И у Гроция, и у Гоббса право возникает путем согласия в мире без сообщества. Согласие – инструмент одиноких, у которых нет ничего иного, что их объединяет. Ислам говорит об этом одиночестве. Исламское международное право не существует, но оно возможно. Для его создания необходимо отказаться от монополии фикха и *siyar*, разработать статус государства и найти моральные обоснования для права и политики [Westbrook, 1993].

По словам Р. Мосчтаги, арабский термин *siyar* переводится как «практики» (Пророка в ходе его военных экспедиций и контактов с немусульманами). Сийяр регулирует отношения между мусульманами и немусульманами, напоминая римское *jus gentium*. Он является временным инструментом, так как исходит из того, что рано или поздно весь мир станет уммой. Каждый мусульманин обязан участвовать в джихаде – священной войне с *dār al-ḥarb*. Субъектностью обладает лишь умма и её отдельные члены, фракции уммы таковой не обладают. Исламское право в этой связи не регулирует отношения между исламскими государствами (но регулирует отношения по поводу восстания). Сийяр допускает договоры с неверными; особым их типом являются договоры, приостанавливающие джихад (*muwāda'a*), которые заключаются по причине временного превосходства противника или ради выгоды мусульман. Они могут заключаться любым мусульманином. Международное право может рассматриваться как форма *muwāda'a*, но следует помнить, что исламское право не признает разделения государств, *muwāda'a* может быть лишь временной и не легитимирует обычные нормы. В этой связи исламское право и международное право являются различными системами. Исламские государства, однако, предпочитают следовать нормам международного права, а не сийара [Moschtaghi, 2009].

4. *Политический инжиниринг*. Страны Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии долгое время зависели от иностранных держав. Эта зависимость приобретала разные формы – имперских проектов Ирана, Османской империи, России и Китая и западного колониализма, – но каждый раз она сопровождалась переформатированием местных политических систем и заменой их отдельных элементов на элементы, отражавшие истори-

ческий опыт метрополии и обеспечивавшие поддержание господства¹⁰. После приобретения независимости эти заимствованные элементы стали причиной хронической слабости новых государств, источником постоянного социального напряжения и препятствием для строительства как внутреннего, так и регионального порядка.

Во-первых, метрополии часто распределяли политическую власть, отдавая предпочтение меньшинствам: благодаря этому создавался искусственный конфликт и обеспечивалась эффективность управления. Так, Франция, выступавшая в качестве мандатария, привела к власти алавитов в Сирии (12% населения) и маронитов в Ливане (17%); Великобритания – суннитов в Ираке и династию Саудитов в Аравии.

Во-вторых, метрополии устанавливали границы, не соответствующие ареалам расселения этносов и затрудняющие управление и коммуникацию. Примеры – передача Нагорного Карабаха Азербайджану; Бухары, Самарканда и Ташкента Узбекистану; Оша Киргизии¹¹; создание анклавов на Кавказе и в Центральной Азии; произвольная делимитация границ Ирака, Сирии, Ливии, Катара и Кувейта.

В-третьих, метрополии внедряли политические институты, не соответствующие местным условиям и традициям; это сохраняющееся несоответствие создает проблемы, связанные с недостаточной легитимностью парламента, несменяемостью глав государств, регулярными военными переворотами, nepотизмом, коррупцией, непрофессионализмом, нехваткой ресурсов и т. д.

В-четвёртых, метрополии интегрировали колонии в свою экономическую систему, привязывая их к своим производственным цепочкам; после приобретения независимости многие государства оказались неспособными самостоятельно обеспечивать свои потребности и попали в новую зависимость – от новых патронов и международных финансовых институтов.

5. *Пульсация империй*. Великий шёлковый путь соединяет древние империи – Иран, Турцию, Россию и Китай. Жизненный цикл империй характеризуется *пульсацией*: на стадии расширения они осуществляют экспансию в отношении своей периферии и других империй; на стадии сокращения происходит обратный процесс. Поведенческие паттерны империй, однако, относительно устойчивы и могут не зависеть от данной пульсации. Одним из таких паттернов является *сопротивление общему международному праву*.

Во-первых, империи, как правило, не признают нового пространственного деления и претендуют на некогда принадлежавшие им территории, обосновывая эти претензии историческими аргументами. Примеры – претензии Ирана в отношении Каспийского моря

¹⁰ «Важнейшим элементом государственного строительства [на Ближнем Востоке] был политический инжиниринг, суть которого – в попытке сознательного перенесения на местную почву западных норм, принципов, стандартов, алгоритмов функционирования политической системы» [Ближний Восток, 2018, с. 22–23]. Д. Фидлер выделяет четыре направления политической перестройки в ходе западной экспансии: 1) индивид – государство (внедрение обязательств государства по защите прав западных граждан); 2) рынок – государство (либерализация торговли, ограничение роли государства в экономике); 3) государство – государство (подчинение международному праву, поддержание международных отношений); 4) государство – международное сообщество (принятие западных ценностей) [Fidler, 2001, p. 142].

¹¹ В ходе размежевания в Центральной Азии и на Кавказе прежде всего учитывался факт компактного проживания этноса, но в некоторых случаях решающее значение приобретали экономические соображения: хозяйственное тяготение, наличие путей сообщения и ирригационных систем, необходимость урбанизации и индустриализации. Определенную роль также сыграли политические соображения: стремление снять пантюркистские настроения и получить поддержку некоторых групп и движений [Толстых, 2023, с. 13–32].

и островов Ормузского пролива¹², Китая – в отношении Аксайчина, Турции – в отношении северных областей Сирии¹³.

Во-вторых, империи используют по отношению к бывшим сателлитам высокомерную риторику, обвиняя их в неблагодарности и отступничестве и утверждая, что их государственность является примитивной и заимствованной. Такая риторика становится питательной средой для межгосударственных конфликтов и нередко сопровождает попытки вмешательства во внутренние дела.

В-третьих, некоторые элементы имперского порядка, сформированные на стадии расширения, могут сохраняться на стадии сокращения, приобретая характер *lex specialis*. Примеры – режим общего пользования водами и островами Красного моря и Персидского залива и режим распределения вод Амударьи и Сырдарьи.

В-четвёртых, имперское прошлое является предпосылкой инструменталистского отношения к международному праву: империи часто обращаются к небуквальному толкованию, избирательно выполняют свои обязательства, занимают жёсткую позицию на переговорах и преувеличивают свое значение для регионального порядка. Пример – позиция, занятая Китаем в деле о Южно-Китайском море¹⁴.

В-пятых, имперский опыт служит платформой для запуска новых интеграционных проектов; старые политические формы при этом могут реанимироваться, наполняясь новым содержанием. Так, проект «Один пояс – один путь» призван восстановить транзитную функцию региона и обеспечить доминирование в нём Китая; его в этом смысле можно рассматривать как попытку восстановления трибутарной системы¹⁵.

Рассмотренные факторы не являются *общими* для всех частей Азии. Так, транзитность, оказывая огромное влияние на политический ландшафт Центральной Азии, Кавказа и Ближнего Востока, не является фактором развития политической системы Китая или Индии. Некоторые из них (например, политический инжиниринг или пульсация империй) не являются уникальными для Азии, но в определённой степени влияют и на ситуацию в Африке, Латинской Америке или даже Европе.

Таким образом, главной причиной отчуждения Азии от международного права является ее *уникальный политический ландшафт*, характерными чертами которого являются динамичность этногенеза, слабость государственных институтов, наличие параллельных политических структур, харизматическая легитимация публичной власти и её неравномерное распределение между империями и их периферией, сочетание личных и территориальных связей, сложные формы политической зависимости. После распространения в регионе *Ius*

¹² Отстаивая права Ирана на острова Ормузского пролива, иранские авторы заявляют, что Персидский залив всегда находился «под влиянием геополитического притяжения материковой части Ирана», был внутренними водами Ирана, арабские образования, возникшие во время смут, не были полноценными государствами, способными осуществлять оккупацию *à titre de souverain*: они были неустойчивыми, промышляли пиратством и работорговлей и контролировались Португалией и Великобританией [Asghar Ja'fari Valadani, 2015, p. 155–183].

¹³ По Лозаннскому договору 1923 г. район Хатай отошел Сирии. М. Кемаль, однако, выдвинул претензии на него, заявив, что в течение 4 тыс. лет он был турецкой территорией, и ссылаясь на теорию Языка Солнца, согласно которой предками турок были шумеры и хетты (отсюда – название района), а прототюркский язык – основа всех языков. В результате манипуляций результатами референдума 1939 г., организованного мандатарием (Францией), Хатай отошел Турции.

¹⁴ Китай ссылаясь на исторические доказательства принадлежности ему островов Спратли и акватории в целом, при этом он заявил о том, что не связан некоторыми положениями Конвенции по морскому праву 1982 г., не стал участвовать в судебном процессе и отказался выполнять вынесенное против него решение.

¹⁵ «Существует острая необходимость в новой силе, которая осмелится ответить на вызовы, поделиться своими знаниями и опытом в решении вопросов управления и сыграть роль первопроходца в обеспечении мира, сотрудничества и выгоды для всех... Страны, соответствующие этим требованиям, немногочисленны, но люди все больше надеются, что эту роль возьмет на себя Китай» [Wang, 2018, p. 241–242].

Publicum Europaеum данные характеристики не были полностью стёрты: одни из них трансформировались и мимикрировали, другие сохраняют значение в качестве исторических ориентиров. Данный ландшафт отличается от европейского ландшафта Нового времени, в рамках которого сформировалось современное международное право.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андерсон П. *Родословная абсолютистского государства*. М.: Территория будущего, 2010 [Anderson P. *Lineages of the Absolutist State*. Moscow: Territoriya budushchego, 2010 (Russian translation)].
- Аслан Р. *Нет бога, кроме Бога. Истоки, эволюция и будущее ислама*. М.: Азбука-Аттикус, 2011 [Aslan R. *No god but God. The Origins, Evolution and Future of Islam*. Moscow: Azbuka-Attikus, 2011 (Russian translation)].
- Бжезинский З. *Великая шахматная доска (господство Америки и ее стратегические императивы)*. М.: Международные Отношения, 1998 [Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998 (Russian translation)].
- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018 [Middle East in the Changing Global Context. V.G. Baranovsky, V.V. Naumkin (eds.) Moscow: IOS RAS, 2018 (in Russian)].
- Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 28. М.: ГИПЛИ, 1962 [Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 28. Moscow: GIPL, 1962 (Russian translation)].
- Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М.: ГИПЛИ, 1968 [Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 46. Part I. Moscow: GIPL, 1968 (Russian translation)].
- Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. *Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)*. М.: Наука, 1972 [Novoseltsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V. *Directions of the Development of Feudalism (Transcaucasia, Central Asia, Russia, Baltic Region)*. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].
- Толстых В.Л. Национально-государственное размежевание 1924 года и его международно-правовые последствия. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. No. 2. С. 13–32 [Tolstyykh V.L. The National-State Demarcation of 1924 and Its International Legal Consequences. *Comparative Constitutional Review*. 2023. No. 2. Pp. 13–32 (in Russian)].
- Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999 [Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem, 1999 (Russian translation)].
- Allain J. Orientalism and International Law: The Middle East as the Underclass of the International Legal Order. *Leiden Journal of International Law*. 2004. No. 17 (2). Pp. 391–404.
- Anghie A. The Evolution of International Law: Colonial and Postcolonial Realities. *Third World Quarterly*. 2006. No. 27 (5). Pp. 739–753.
- Asghar Ja'fari Valadani. The Historical and Legal Foundations of Iran's Sovereignty over Tunb and Abu-Musa Islands. *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2015. No. 6 (2). Pp. 155–183.
- Bederman D.J. *International Law in Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Berger M. Islamic Views on International Law. *Culture and International Law*. P. Meerts (ed.) Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 105–117.
- Brooks R.E. Failed States, or the State as Failure? *The University of Chicago Law Review*. 2005. No. 72 (4). Pp. 1159–1196.
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Chesterman S. Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures. *European Journal of International Law*. 2017. No. 27 (4). Pp. 945–978.

- Eslava L., Pahuja S. The State and International Law: A Reading from the Global South. *Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism and Development*. 2020. No. 11 (1). Pp. 118–138.
- Fidler D.P. The Return of the Standard of Civilization. *Chicago Journal of International Law*. No. 2 (1). 2001. Pp. 137–157.
- Hinnebusch R. *The International Politics of the Middle East*. Manchester: Manchester University Press, 2013.
- Jayatileke K.N. The Principles of International Law in Buddhist Doctrine. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 120. 1967. Pp. 442–567.
- Koskenniemi M. International Law in Europe: Between Tradition and Renewal. *European Journal of International Law*. 2005. No. 16 (1). Pp. 113–124.
- Martinez Mitchell R. Towards an ‘Asian Faction’ in International Law?: on Third Worldism and Contingent Eurocentrism Since the Second Hague Conference of 1907. *Harvard International Law Journal*. 06.12.2021. <https://journals.law.harvard.edu/ilj/2021/12/towards-an-asian-faction-in-international-law-on-third-worldism-and-contingent-eurocentrism-since-the-second-hague-conference-of-1907/> (accessed: 01.03.2025)
- Moschtaghi R. The Relation between International Law, Islamic Law and Constitutional Law of the Islamic Republic of Iran – A Multilayer System of Conflict? *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. 2009. Vol. 13. Pp. 375–420.
- Oxford Handbook of the History of International Law*. B. Fassbender, A. Peters (eds.) Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Romano C.P.R. *International Judicialization in the Arab World: An Initial Assessment*. iCourts Working Paper Series. No. 49. 2016. Pp. 47–54.
- Sienho Yee. *Towards an International Law of Co-Progressiveness (Developments in International Law)*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2004.
- The Battle for International Law. South-North Perspectives on the Decolonization Era*. J. von Bernstorff, Ph. Dann (eds.) Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Wahbeh al-Zuhili. Islam and International Law. *International Review of the Red Cross*. 2005. No. 87. Pp. 269–283.
- Wang Honggang. Emerging International Order and China’s Role. *China’s Global Rebalancing and the New Silk Road*. B.R. Deepak (eds.) Springer, 2018. Pp. 227–247.
- Weeramantry Ch.G. *Universalising International Law*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2004.
- Westbrook D.A. Islamic International Law and Public International Law: Separate Expressions of World Order. *Virginia Journal of International Law*. 1993. No. 33. Pp. 819–897.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТОЛСТЫХ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vladislav L. TOLSTYKH, DSc (Law), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.